«Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв.[1]

Татьяна СОРОКИНА

Все авторы конца XIX – начала XX в., писавшие о китайцах на русском Дальнем Востоке, отмечали их исключительную роль в экономической жизни. Характерна оценка Д. И. Шрейдера: присутствие китайцев являлось «абсолютно необходимым условием более или менее сносного существования европейца... Он и прислуга ("бой" – по местной терминологии), он и ремесленник, и огородник, и мясоторговец, и фактор, комиссионер, подрядчик, лавочник, земледелец, пахарь – словом, все, что угодно. Все сферы труда и местной промышленности находятся почти исключительно в его руках»[2].

Многие исследователи, будь то представители центральных ведомств или высшей краевой администрации, военные или гражданские чиновники, путешественники или местные обыватели, неоднократно предпринимали попытки подразделить китайских подданных Приамурья на отдельные категории по роду занятий или по месту проживания. Во всех классификациях неизменно присутствуют торговцы, хотя называть их могли по-разному. Для секретаря главного начальника тихоокеанской эскадры штабс-ротмистра В. В. Крестовского это «мелкие плуты-торгаши», для генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина – «торговые люди, являющиеся на всем пространстве Восточной Сибири», для чиновника особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе Аносова – «занимающиеся торговлей», а для штаб-офицера для поручений Переселенческого управления и известного исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева – «купцы в городах, селах, деревнях».

---

[1] Журнальная версия статьи была опубликована в тематическом номере журнала «Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение», подготовленного в рамках Программы стратегического развития ИГУ на 2012–2016 гг. проекты Р222-МИ-003, Р222-ОУ-037 (Сорокина Т. Н. «Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 84–102).

[2] Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. (Три года в Уссурийском крае). СПб. : Сиб. изд. А. Ф. Девриена, 1897. С. 49.

Даже из этого заметно, что китайская торговля в Приамурье – это явление многосложное, как и отношение к нему. В статье будут рассмотрены основные виды китайской торговли в Приамурском крае в конце XIX – начале XX в., ее традиционные способы и приемы. Источниками послужили главным образом сведения коммерческого советника, владивостокского купца первой гильдии, директора торгового дома «Кунст и Альберс» А. В. Даттана, чиновника Переселенческого управления А. А. Панова, материалы Всероссийской переписи 1897 г., Амурской экспедиции, Амурской казенной палаты, Владивостокского биржевого комитета, опубликованные Приамурским отделением Общества востоковедения.

«…Бросаются на торговлю во всех ее видах»

Как писал представитель Военного ведомства в Комитете по заселению Дальнего Востока полковник Л. Болховитинов, в Приамурье «нет ни одного вида торговли, где нельзя было бы не встретить китайца: начиная с доставки на рынок предметов первой необходимости, мелочной торговли с лотков на базарах, лавок в деревнях и кончая огромными магазинами в городах и крупнейшими фирмами, всюду фигурируют китайцы»[1].

Вся крупная торговля в Приамурье была сосредоточена исключительно в руках немногих русских и частично иностранных фирм, среди которых ведущее положение занимали русская «Чурин и К°» и германская «Кунст и Альберс». Они имели свои отделения во всех городах и в некоторых больших селах Приамурья. Средняя же и мелкая торговля, а также почти вся торговля по сухопутной границе находились преимущественно в руках китайцев. Некоторые авторы отмечали умение китайских торговцев вести дела по-европейски. Ю. Лигин через несколько лет после Русско-японской войны был поражен китайскими магазинами в Благовещенске: «Когда попадаешь в роскошные помещения торговых дворцов, только по одному признаку замечаешь, что находишься в Азии: обязанность заворачивать покупки в бумагу возложена на китайских мальчиков, на “боев”»[2].

Все сведения о китайской торговле являются неполными и неточными, поскольку не включают не поддающихся учету разносных

---

[1] РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 7. Л. 60; Болховитинов Л. Желтый вопрос на русском Дальнем Востоке // Воен. сб. 1910. № 2. С. 189.
[2] Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913. С. 69.

и развозных торговцев, водовозов и водоносов и пр., а также уклонявшихся от выборки промысловых свидетельств китайцев.

А. В. Даттан, анализируя структуру выданных владивостокской городской управой промысловых свидетельств, не обнаружил там приобретающих свидетельства 1-й гильдии китайцев, хотя, как считал коммерческий советник, «по оборотам своим немало китайских фирм должны бы платить за нее»[1]. Затруднительным оказалось определить и сумму торговых оборотов китайских фирм, поскольку никаких цифр они не предоставляли. Однако зная, что все прибыли они переводили в Китай при содействии крупных русских и европейских торговых фирм («Шевелев и К°», «Кунст и Альберс», «О. Линдгольм и К°» и др.), А. В. Даттан смог составить примерное представление об общем торговом обороте китайских торговцев Южно-Уссурийского края по суммам их денежных переводов. В 1889 г. общая сумма оборотов составляла 1,5 млн серебряных рублей, в 1891 г. – 2,5 млн, а к 1893 г. выросла до 6 млн руб.[2]

Данные всероссийской переписи собирались путем личных посещений и опросов владельцев предприятий и потому считаются ближе к истине, а вот цифры из отчета уполномоченного Министерства иностранных дел в Амурской экспедиции В. В. Граве основаны на сведениях официальной регистрации промысловых документов, которые во многих случаях не выбирались китайцами.

По данным переписи 1897 г., примерно 10,5 % китайского населения Приамурья были заняты торговлей. На первый взгляд, это немного. Но учитывая слабую заселенность региона, то, что в 1907 г. численность его китайского населения превышала 80 тыс. человек, это число, как считал А. А. Панов, «не может не показаться чрезмерным». В своей справке для Комитета по заселению Дальнего Востока он оценил преобладание торговцев «желтой расы» над европейцами в 2,5 раза[3]. Составив по данным переписи таблицу по «родам торговли» и числу занятых в них лиц, он пришел к выводу, что наиболее распространенными («излюбленными») видами китайской торговли в Амурской области являлись смешанная торговля разными товарами и разносной и развозной

---

[1] Даттан А. В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. М. : Тип. Т. И. Гаген, 1897. С. 77.

[2] Там же. С. 79.

[3] РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 7. Л. 101; Панов А. А. Желтый вопрос в Приамурье. Историко-статистический очерк. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1910. (Отд. отт. из журн. «Вопросы колонизации» № 7). С. 27.

торг (более 82 % китайских торговцев). В Приморской области добавлялась еще торговля различными продуктами сельского хозяйства: «овощами, фруктами, орехами и другой съедобной мелочью растительного царства», а все эти три вида торговли поглощали «66 % всего торгующего китайского люда». В отличие от Амурской области, отмечалось заметное стремление захватить торговлю зерновыми продуктами, тканями и одеждой, трактирный промысел и торговлю спиртными напитками в специальных питейных заведениях. Эти заведения содержались исключительно для массы приходящих в край китайцев, которые предпочитали питаться только в китайских «харчевках» и пить свое «манзовское» пиво, совершенно отличное от европейского и по вкусу, и по способу приготовления[1].

По данным В. В. Граве, в первом десятилетии XX в. существенных изменений в структуре китайской торговли не произошло. Лидировала смешанная торговля разными товарами, продуктами сельского хозяйства и мануфактурными изделиями. Развитая развозная и разносная торговля смешанными (промышленными и продовольственными) товарами, как и раньше, не поддавалась официальному учету из-за невыборки документов. В отличие от Приморской области, в Амурской области за это время число китайских торговцев заметно сократилось. В. В. Граве объяснял это тем, что торговля здесь велась в основном на приисках через лавки приисковладельцев в кредит под добываемое золото, поэтому китайская торговля, основанная на скорости оборота, не могла получить значительного развития[2].

А. В. Даттан так писал о торговле во Владивостоке в конце XIX в.: «Китайские лавки давно уже раскинулись по всему городу от одного конца до другого. Не имея права приобретать землю в собственность, китаец пользуется арендой и постепенно выстраивает всюду свои помещения, при посредстве которых паутина его торговли, мелочной и невзыскательной, но страшно устойчивой и для него весьма доходной, все шире и шире охватывает главный порт края, а из него постепенно пробирается дальше в деревни и села. Крупный коммерсант, не китаец, сдавливается массой китайских магазинов в центре торгового движения, мелкий обездоливается этими растущими справа и слева, спереди и

---

[1] РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 7.Л. 101–102.

[2] Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства иностранных дел В. В. Граве // Тр. командированной по Высочайшему повелению Амур. экспедиции. СПб., 1912. Вып. 11. С. 363.

сзади, как грибы после дождя, лавчонками, постепенно крепнущими и забирающими окружающий район в свои руки»[1]. Красноречиво об этом свидетельствуют статистические данные. Если в 1893 г., по данным Даттана, во Владивостоке было 127 мелких китайских лавок при 23 русских[2], то, по данным управляющего Амурской казенной палатой, в 1909 г. их было 447 при 99 русских, а в 1910 г. – 625 при 181[3].

Аналогичная ситуация сложилась и в Никольске-Уссурийском, где, начиная с 1883 г., отчасти обанкротились, отчасти ликвидировали свои предприятия 20 русских торговцев. К 1893 г. торговля велась в 69 китайских лавках, из которых в 1883 г. не существовало ни одной[4]. В 1909 г. китайских лавок здесь уже было 245, русских – 48, а в 1910 г. соответственно 272 и 106[5].

В Хабаровске, по данным Амурской казенной палаты, в 1912 г. на 1 160 торгово-промышленных предприятий, принадлежавших русским предпринимателям, приходилось 762 китайских. Учитывая большое число китайских лавок, торгующих без ведома властей и без документов, можно сказать, что и здесь китайцы играли значительную роль. Особенно это относилось к мелочной торговле и торговле разными товарами, где китайцам принадлежало 207 мелочных торговых предприятий, русским – 183, китайских предприятий, торгующих разными товарами, было 150, а русских – 67. Многие кузнечные, слесарные, экипажные, сапожные мастерские также находились в руках китайцев[6].

В сельской местности китайские торговцы заняли еще более прочное положение, чем в городах. Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края, проехав в апреле 1914 г. по вновь образовавшимся и старожильческим поселкам и деревням, доносил военному губернатору: «...нельзя не видеть, что вся мелочная торговля в руках китайцев, а в тех поселках, где нет лавочников-китайцев, с товарами ходят или разносчики – мелкие торговцы-китайцы, или деревни, поселки и селения, лежащие близ границы, прибегают к контрабандному получению товаров из-за границы...»[7]. Об этом же писал член-корреспондент Приамурского

---

[1] Даттан А. В. Указ. соч. С. 85–86.
[2] Там же. С. 86.
[3] РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л.53.
[4] Даттан А. В. Указ. соч. С. 86.
[5] РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л.53.
[6] Записки Приамурского отдела Императорского Общества Востоковедения. Хабаровск, 1913. Вып. 2. С. 276.
[7] РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 558. Л. 317.

общества востоковедения, сельский учитель Иван Лукьяниц: «Почти во всех селениях края торговля находится в руках китайцев. …Русские лавчонки встречаются изредка, да и те влачат жалкое существование»[1].

«Китаец является истинным пауком тайги»

Существовала еще одна важная сфера китайской торговли, особенно развитая в Приморской области – торговля среди местных инородцев (гольдов, орочей и др.). Еще до присоединения Уссурийского края к России китайцы снабжали инородцев всеми необходимыми для жизни и промысла товарами в обмен на добытую ими пушнину. Вплоть до начала XX в. эти отношения фактически не изменились. Как сообщал хабаровский окружной начальник в рапорте военному губернатору Приморской области от 4 августа 1900 г., «большинство гольдов округи, кроме ближайших к городу, постоянно кредитовались у живущих среди них или приезжающих к ним с этой целью китайцев»[2].

Чтобы не конкурировать между собой и не повышать цены на пушнину, китайцы негласно разделили весь край на участки во главе с «джингуем» – хозяином. Торговля велась почти исключительно меновая и, как правило, в кредит. Перед началом пушного сезона китаец снабжал инородцев всем необходимым по тем ценам, которые издавна установились в отдельных участках тайги, в зависимости от степени их доступности и удаленности от жилых мест. Например, в 1904 г. по р. Бикин пуд буды стоил от половины до 3 соболей, пуд простого маньчжурского табака – 6 соболей, пуд соли – 3 соболя, три сажени бязи – 1 соболь, фитильное ружье – 6 соболей, берданка – от 6 до 8 соболей, 20 патронов – 1 соболь; по рекам Хунгари, Отою и в Императорской гавани за 1 соболя можно было купить кулек американской муки в 55 фунтов, или 30 фунтов сахара, или 8 кирпичей чая, а фунт пороха стоил от ⅓ до 4 соболей, фунт свинца от ⅛ до 1 соболя и т. д.[3]

Начальник Хабаровской округи констатировал: «…не имея никаких ни личных, ни общественных денежных ресурсов, гольды по необходимости были вынуждены поддерживать свое существование, кредитуясь у китайцев в счет добычи своих охотничьих и рыболовных промыслов. Факт нахождения гольдов... в рай-

[1] Записки Приамурского отдела ... С. 276.
[2] РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1361. Л.111.
[3] РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 7.Л. 104.

онах р. Сунгари в июне текущего года для снабжения себя и своих семей запасом годичного продовольствия от местных китайских торговцев под залог добычи зимнего промысла будущего года далеко не единичный, а, наоборот, едва ли не обыденный»[1].

Китайцы, принимая за меновую единицу только соболя, искусственно поддерживали среди инородцев занятие исключительно пушным промыслом. В случае неудачного промысла расплата переносилась до окончания следующего сезона, но уже с 50%-ной надбавкой к сумме долга. Так как начинать новый осенний промысел без патронов, свинца, пороха, провизии было невозможно, то инородец снова брал их в кредит, залезая в неоплатный долг и попадая вместе с семьей в кабалу.

Оценивая меха и ведя учет долгов, китайские торговцы обманывали инородцев. Как писал С. Я. Богданов, автор «Записки о Хабаровской торговле», составленной для III Хабаровского съезда, «расчеты эти китайцы со своими безграмотными должниками ведут так странно, что должник, сколько бы ни платил, никогда не выходит из долгу»[2]. Долг переходил по наследству, от отца к сыну, поэтому китайский торговец был заинтересован в увеличении семьи закабаленного инородца, особенно в рождении сыновей. Полковник Болховитинов вспоминал, как ему жаловался один китаец-кредитор: «Мой орочен плохой, у него все девка родится...»[3].

В силу солидарности китайских торговцев невозможно было перейти от одного хозяина к другому, продавать и покупать можно было только у кредитора. В 60–70-е гг. XIX в. русские купцы неоднократно пытались проникнуть в тайгу с целью меновой торговли с инородцами, поднимались в верховья рек, где промышляли орочи или гольды, но купить что-либо у них в присутствии китайцев было практически невозможно. Как писал С. Я. Богданов, «убедившись, что китайцы закабалили промышленников [инородцев-промысловиков], русские бросили это дело»[4].

Долговая зависимость привела к тому, что общины гольдов и орочей управлялись по специальным китайским законам. В фонде канцелярии Приамурского генерал-губернаторства есть тексты китайских законов (на китайском и на русском языках), действовавших в долине р. Иман и на приисках[5]. Виновные в

---

[1] РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1361. Л. 111.
[2] РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 92. Л. 109.
[3] Болховитинов Л. Указ. соч. № 3. С. 192.
[4] РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 92. Л. 110.
[5] РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 302. Л. 418–424.

проступках инородцы (например, за кражу соболя и пр.) приговаривались к закапыванию живыми в землю, в зависимости от степени вины – вниз головой или вверх, за меньшую провинность могли закопать в состоянии опьянения, за большую – трезвым и т. п. «Все эти преступления, – писал Болховитинов, – глухая тайга заботливо и ревниво укрывает от глаз любопытных, позволяя китайцам вполне безнаказанно творить над инородцами суд и расправу»[1].

В тайгу начинали проникать и русские скупщики пушнины. Агроном при приамурском генерал-губернаторе Н. А. Крюков считал, что они обращаются с инородцами еще хуже, чем китайцы, и что рассказы об эксплуатации инородцев китайцами «более или менее преувеличены»[2]. Проникновение в тайгу русских скупщиков пушнины привело постепенно к распространению торговли за деньги.

В нижнем течении Амура, по сведениям, собранным В. В. Граве во время его личных поездок по Амуру для ознакомления с жизнью инородцев, соболь стоил от 15 до 50 руб. за шкурку, тогда как винтовка стоила 100–150 руб., сотня патронов – почти по 1 руб. за патрон, бутылка спирта – 3–5 руб., а пуд буды – 10–20 руб.[3]. Он считал, что инородцы в Забайкалье и по верхнему течению Амура уже были «подвластны» русским купцам, но по нижнему течению Амура, по рекам Иман, Сучан и в Ольгинском районе китайцы еще безраздельно господствовали.

По сведениям лиц, посещавших по заданию Амурской экспедиции стойбища инородцев, в Приморской области еще в 1910 г. в тайге существовали китайские склады товаров, инородцы свободнее говорили по-китайски, чем по-русски. Они принимали периодически китайских чиновников, уплачивая им дань. С начала XX в. китайцы начали широко использовать торговлю опиумом. Они пытались настраивать инородцев против русских, против русской грамоты, распуская слухи о том, что русские власти заберут их всех, особенно грамотных, в солдаты и т. п.

Отношение к этой сфере деятельности китайских торговцев было неоднозначным. Агроном Н. А. Крюков считал, что китайцы, снабжая инородцев всем необходимым, свободно объясняясь с ними, зная их нужды и разъезжая по чрезвычайно глухим без-

---

[1] Болховитинов Л. Указ. соч. № 3. С.192.
[2] Крюков Н. А. Промышленность и торговля Приамурского края. Н. Новгород : Тип. Т-ва А. Ржосницкого, 1896. С. 94.
[3] Граве В. В. Указ. соч. С. 38.

людным местам, «очень для них полезны»[1]. А полковник Л. Болховитинов называл китайцев «истинным пауком тайги»[2]. Большинство разделяло выводы Амурской экспедиции о том, что закабаление инородцев Приморской области усиливало политическое влияние китайцев, «делая их фактическими правителями и умаляя авторитет русской власти, который там совершенно призрачен»[3].

«Социальный уклад, на котором держится вся китайская торговля»

Чем объяснялся успех китайской торговли? Все авторы того времени, будь то представители гражданской и военной администрации, исследователи или случайно попавшие на Дальний Восток люди, считали главной причиной природные коммерческие способности китайцев. Местный чиновник Перфильев сообщал, что «китаец по природе спекулятор и торгаш...»[4]. П. Ф. Унтербергер, отводя китайской торговле главу книги, писал: «Издавна известно, что китайцы врожденные купцы, и, обладая выдающимися коммерческими способностями, они, где только представляется им возможность, бросаются на торговлю во всех ее видах»[5]. Редактор журнала «Сибирские вопросы» П. Головачев отмечал, что китайцы «обладают врожденными качествами коммерсантов, они купцы по природе и в этом отношении имеют много общих черт с евреями, но только смотрят шире на свою деятельность... Китайские купцы предприимчивы, трудолюбивы, расчетливы, аккуратны и смелы. Неподвижность русских купцов, отсутствие инициативы слишком хорошо известны, так что китайские купцы в этом отношении являются неодолимыми их соперниками»[6]. Полковник Болховитинов считал, что «развитая и обширная конкуренция» в Китае не давала китайским торговцам особого простора на родине, но за границей они быстро находили «удобную почву для применения своих врожденных способностей коммерсанта»[7]. Наконец, знаток торгового дела в Приамурье А. В. Даттан подчеркивал, что в перечне причин успеха китайской торговли

---

[1] Крюков Н. А. Указ. соч. С. 94.
[2] Болховитинов Л. Указ. соч. № 3. С. 190.
[3] Граве В. В. Указ. соч. С. 38.
[4] Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 59-и. Оп. 1. Д.22. Л. 5.
[5] Унтербергер П. Ф. Указ. соч. С. 218–219.
[6] Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб. : Тип. Исидора Гольдберга, 1904. С. 153.
[7] Болховитинов Л. Указ. соч. № 3. С. 188.

«природные коммерческие способности китайцев, их хитрость, назойливость и пронырливость занимают не последнее место»[1].

Причины успеха объяснялись и рядом особенностей организации китайской торговли. Все авторы обращали внимание на три основных способа или три принципа, которые делали затруднительной всякую конкуренцию с нею. Уполномоченный Министерства торговли и промышленности в Амурской экспедиции А. Н. Митинский так сформулировал эти принципы: «1. Всякое предприятие артельное; барыш, за вычетом выданного на семью, вновь вкладывается в дело, постепенно уменьшая процент участия первоначального заемного капитала. 2. Всякий торговец есть род банкира, связанного широкой системой взаимных кредитов с целым рядом лиц. Все расчеты сводятся к китайскому Новому году, пока же один и тот же капитал оплодотворяет ряд предприятий. 3. Китаец стремится возможно скоро реализовать товары, хотя бы сбивая цены ниже прейскуранта»[2].

Примерно так же оценивает ситуацию В. В. Граве: «1) участие служащих в предприятии, 2) стремление как можно чаще обернуть капитал и вследствие этого удовольствование меньшей прибылью и 3)широкое кредитование крупными фирмами мелких»[3].

Но все же главная сила китайцев и главное их преимущество заключалось, по мнению А. А. Панова, «в том социальном укладе, на котором держится вся китайская торговля»[4]. Прежде всего, это широкое развитие кооперации. Как писал В. В. Граве, «вся торговля и промышленность китайцев ведется как бы на товарищеских началах»[5]. Все служащие, начиная от главноуправляющего до последнего «боя» участвовали в прибылях предприятия и, следовательно, были заинтересованы лично в его успехе. Отсюда особая добросовестность, рачительность о деле, особая энергия. Прибыль в конце года распределялась между всеми, но не поровну, а в соответствии с долей участия личным трудом или вложенным капиталом. Большая часть прибыли вновь вкладывалась в дело, и тем самым увеличивалась доля участия служащих. Риск, неизбежный в каждом деле, распределялся на всех членов торгового предприятия и сокращался до минимума.

---

[1] Даттан А. В. Указ. соч. С. 79.

[2] Митинский А. Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб. : Сиб. тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. Вып. 8. С. 189.

[3] Граве В. В. Указ. соч. С. 28.

[4] Панов А. А. Указ. соч. С. 29.

[5] Граве В. В. Указ. соч. С. 28.

Д. И. Шрейдер писал: «...В какую бы самую убогую лавчонку вы ни зашли – вы повсюду встречаете за прилавком, за которым и одному человеку в пору едва поместиться, целую ораву приказчиков. Содержание такого непомерного штата служащих, явно не соответствующего доходности предприятия, едва ли способного прокормить доходами одного человека, вас несказанно поражает, и вы обращаетесь за разъяснением к неподвижно покоящемуся на почетном месте жирному упитанному китайцу, представителю лавки; но от него всегда получите неизменный ответ:

– Моя – компания.

Сначала я воспринимал этот ответ как нежелание говорить с посторонним. Впоследствии убедился, что они говорили правду, и что все эти многочисленные приказчики, в действительности, являются равноправными компаньонами».

Кроме того, отмечал Д. И, Шрейдер, «китаец способен задавить не столько положительными мерами и способами ее [торговли], сколько своим просто непостижимым свойством доводить свои потребности до предельного для человеческого существа минимума»[1].

Все служащие в китайских фирмах, участвуя в деле, получали ничтожное жалованье – 5–6 руб. в месяц там, где русские получали бы 50–75 руб.[2] Служащие и хозяин жили под одной крышей, спали чаще всего в торговых помещениях, питались из одного котла, предпочитая недорогие продукты. Это обходилось значительно дешевле, чем содержание каждого в отдельности. Газета «Дальний Восток» писала: «Кому неизвестно, где и как живут китайцы? Для всякого из них вполне достаточно небольшого, аршина в 1,5 шириною и 2,5 в длину, помещения на нарах, нужного только для размещения постели и легкого удобно переносимого скарба; подобным помещением довольствуются часто и богатый купец, и тут же, рядом, его приказчик-бедняк»[3].

Сам порядок китайской торговли, где отсутствовала реклама, не было блестящих витрин в магазинах, а товары лежали на полках, завернутые в бумагу, не требовал аренды больших помещений, стоящих обыкновенно очень дорого.

Накладные расходы китайских торговцев были значительно меньше, чем у русских фирм и торговцев. А. В. Даттан, основываясь на материалах владивостокского купца Бринера, близко зна-

---

[1] Шрейдер Д. И. Указ. соч. С. 23–25.
[2] Панов А. А. Указ. соч. С. 29.
[3] Дальний Восток. 1895. 19 апр.

комого с условиями китайской торговли и, по мнению Даттана, «являющегося в данном вопросе лицом вполне компетентным», подсчитал, что «торговые расходы самых крупных китайских фирм ни в коем случае не превышают 8 % с суммы оборота»[1]. Для крупной же русской фирмы торговые расходы, куда входили жалованье служащих, «квартира и стол их, награда, наем торгового помещения и амбаров, освещение и отопление, торговые документы, страхование домов и товаров, а также мелкие расходы», составляли от 15 до 20 % с общей суммы оборота[2]. Это означало, что в то время, как китайский торговец продавал свои товары с надбавкой 7–12 %, русский должен был, при том же накладном расходе, торговать без прибыли. Именно это А. В. Даттан считал «самым веским фактором» силы китайской торговли, с которой «бороться отдельные русские фирмы почти не в состоянии»[3].

Китайская торговля была немыслима без широко развитого взаимного кредита, разветвляющегося на «великое множество мелких извилин и связывающего всех торгующих китайцев, от богача до самого мелкого разносчика, чем-то вроде круговой поруки взаимного одолжения»[4]. Каждый торгующий китаец был одновременно и банкиром, и клиентом множества других кредиторов.

Наглядную картину этой системы дал в своем докладе о китайской торговле от 1 ноября 1893 г. начальник Южно-Уссурийского округа: «Китайские предприятия в крае представляют из себя как бы большой круг, обхватывающий всю область. В середине круга находится какая-либо крупная фирма во Владивостоке, производящая обороты в год от ста до полтораста тысяч, от нее разветвляются во все стороны мелкие торговцы, торгующие от 5 до 15 тыс. в год, от этих идут, в свою очередь, торговцы с оборотом от 1 до 5 тыс. и, наконец, торговцы, разносчики с ничтожным сравнительно оборотом»[5].

Такая организация дела была совершенно непонятна европейцу-индивидуалисту. Но китайцы легко разбирались в этой сети самых сложных и запутанных на первый взгляд кредитных отношений и подводили итоги, сводя все счеты к своему Новому году. Благодаря этому кредиту, один и тот же капитал, проходя через множество рук, давал заработок (пусть мизерный) всем участникам «круга».

---

[1] Даттан А. В. Указ. соч. С. 80.
[2] Граве В. В. Указ. соч. С. 30.
[3] Даттан А. В. Указ. соч. С. 80.
[4] Панов А. А. Указ. соч. С. 30.
[5] РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 420. Л. 124.

Именно этот кредит и позволял довольно устойчиво существовать самым мелким предприятиям, точную и остроумную характеристику которым дал Д. И. Шрейдер: «составляется группа подобного рода “капиталистов”, соединенными усилиями сколачивается крохотный капиталец – он же основной, запасный и оборотный, – снимается подходящее помещение, с грехом пополам приобретается товар, вывешивается цветная, развевающаяся холщевая вывеска, расписанная блестящими иероглифами, придумывается какое-нибудь название, бьющее в глаза (например, “глаз дракона”, “сияние звездного неба” и т. д.), для рекламы усаживается на почетном месте за прилавком самый жирный из компаньонов – обладающий усами и возможно более длинными ногтями, и на живую нитку сколоченная лавочка функционирует на славу»[1].

И такие лавочки не просто существовали, но некоторые добивались сравнительного благосостояния. Еще одной причиной этого было стремление как можно быстрее обращать вложенный в дело капитал. Нередко, когда предоставлялась возможность купить дешево новый товар, уже имеющийся продавался по цене ниже той, за которую его приобрели. Чтобы поскорее продать товар, китайский торговец охотно отпускал его в кредит и даже нередко навязывал его покупателю, продавая дешевле фиксированных в розничной торговле цен в тех европейских магазинах, где сам его приобретал. Это привлекало к нему не только инородцев, вкусы которых китаец изучил в совершенстве, но и русских покупателей.

Китайским торговцам не было равных в умении угодить клиентам, особенно постоянным. Как описывалось в газете «Дальний Восток», если у китайского продавца не имелось необходимых постоянному покупателю товаров, он тут же приобретал их, даже не наживая ни копейки прибыли и делая это «только ради расчета угодить вкусу и потребностям покупателя»[2]. В результате оказывалось, что при низкой цене и быстром обороте китайский торговец получал прибыли не меньше европейского конкурента.

«...В изумительной степени изобретательны»

А. В. Даттан полностью воспроизвел небольшую статью из газеты «Восточно-Азиатский Ллойд», посвященную приемам и «плутням» китайской торговли. «Китайцев совершенно справедливо принято считать природными купцами. Обладая чрезвы-

[1] Шрейдер Д. И. Указ. соч. С. 24.
[2] Дальний Восток. 1895. 19 апр.

чайно развитым коммерческим инстинктом, они расчетливы, хитры и осмотрительны при заключении торговых сделок, неутомимы в лукавых стараниях продать повыгоднее и в изумительной степени изобретательны в придумывании всевозможных плутней». Европейский торговец, прежде чем назначить цены на товары, изучал рыночную конъюнктуру, принимал во внимание действительную стоимость товаров, их качество, следил за тем, чтобы запас товаров не превышал их спроса и наоборот. Китайский купец, поступая так же, плюс ко всему еще изучал каждого покупателя, рассматривал его, как писала газета, «с ног до головы» и делал «беглую, но, обыкновенно, верную оценку: насколько тот легковерен, насколько расчетлив или нерасчетлив при заключении торговых сделок, сведущ или не сведущ в положении рынка и т. п.». Только когда вывод был сделан, китаец назначал цену на спрошенный товар, т. е. стоимость товара у них всегда более или менее зависела от личности покупателя[1].

Мерилом для установления цен служил нередко социальный статус покупателя, его положение в обществе. Например, как сообщала газета «Дальний Восток», «бывающий часто на базаре всегда мог быть свидетелем их [китайцев] безобразных поступков с покупателями из солдат и крестьян, с несговорчивой женской прислугой, вообще с бабами. …Если покупатель на запрашиваемую цену дает половину или меньше, то манза срывает дальнейший торг и вышибает покупателя. …Не задевают манзы только тех, у кого кокарды на шапках или вообще прилично одетых...»[2].

Приобретение любого товара у китайского купца, даже самого дешевого, всегда являлось «умственной дуэлью», которую замечательно описал автор статьи в немецкой газете: «Красноречие, выразительность и мимика, пускаемые... в ход продавцом с косою, просто изумительны. Цитаты из Конфуция, пылкие воззвания к окружающим, доводы, основанные на справедливости и здравом смысле, – все пускается в ход, даже когда дело идет об одном гроше!.. Каждый пробует обмануть другого, и часто это обоим удается: покупатель платит менее, чем должен, а продавец надувает покупателя, пользуясь фальшивой мерой или весами. Спор... составляет существенную часть каждой китайской сделки»[3].

Для обмеривания и обвешивания широко использовались разные меры длины и веса. При покупке, например, разных плат-

---

[1] Даттан А. В. Указ. соч. С. 113.
[2] Дальний Восток. 1896, 3 марта
[3] Цит. по: Даттан А. В. Указ. соч. С. 113.

ков (шелковых, хлопчатобумажных, шерстяных), которые продавались на футы, китаец всегда употреблял более длинный фут, чем при продаже. Причем для хлопчатобумажных тканей фут был длиннее, чем для шерстяных, а последний был длиннее того, которым отмеряли шелковую ткань. На базаре продавали сделанные по всем правилам весы с двумя совершенно разными наборами гирь – один для купли, другой для продажи. Как писал А. В. Даттан, русские обыватели нередко покупали на местном рынке продукты «с обвесом на китайском безмене (других весов они не признают)» или получали дрова на складе «какою-то совершенно произвольною китайской саженью (русскую меру они обходят) с самой непозволительной кладкою», или приобретали сено не пудами, а «вполне произвольными “снопами”, т. е. пучками, не имеющими ничего определенного, то большими, то маленькими»[1].

Существует масса описаний явных плутней китайских торговцев. Они могли надувать перышком баранью ногу так, что самый сухой кусок мяса казался жирным и аппетитным, внутренность рыбы или середину кочана капусты наполняли камнями. В. В. Граве приводил примеры, когда китайские торговцы продавали ситец и муку, купленные в больших русских магазинах, несуразно дешево. Оказалось, что из середины куска ситца было вырезано несколько аршин, а из мешков с мукой отбавлено по нескольку фунтов[2]. Следы мошенничества тщательно маскировались. Например, дырки в старых фарфоровых вазах заклеивались старыми же кусочками фарфора так искусно, что открыть обман можно было только при помощи процесса окисления. Незначительность извлекаемой из обмана выгоды не останавливала.

Это нередко приводило к ссорам между продавцом и покупателем. На страницах дальневосточных газет, преимущественно в рубрике «Хроника», то и дело мелькали сообщения о недобросовестности китайских торговцев. «Дальний Восток»: «на обвешивание манзами на своих кантарных весах слышатся постоянные жалобы»[3]. В другом номере описывается, как артельщику одной из войсковых частей вместо пуда масла отвесили всего 38 фунтов. Заканчивалась заметка гневным восклицанием: «Возмутительная черта коммерческой недобросовестности китайцев!»[4]. Мелькали сообщения о торговле некачественными арбузами или

[1] Даттан А. В. Указ. соч. С. 114–115.
[2] Граве В. В. Указ. соч. С. 30–31.
[3] Дальний Восток. 1895. 8 марта
[4] Дальний Восток. 1895. 29 дек.

«протухлой дичью», которая продавалась в замороженном виде, чтобы не чувствовался запах[1]. Содержалось даже предложение «обязать манз заменить десятичные весы нашими русскими рычажными, на которых они не могли бы так нагло обвешивать крестьян, солдат и баб, ничего не понимающих в их весах»[2].

Справедливости ради следует отметить, что на страницах тех же газет не менее часто мелькают сообщения об обмане китайских торговцев русскими покупателями. Так, в благовещенском «Амурском крае» только за январь – февраль 1909 г. было опубликовано в разделе «Хроника» около десятка подобных сообщений. То «мошенническим путем взято у китайского торговца на Чуринской площади свежей рыбы на сумму 210 руб.», то «обманным путем из китайской лавки Вен-син-син по Соборной улице... получено разного товару на сумму 100 руб.», то «самоуправно взяли в китайской лавке Чун-тен кэту-рыбу и 2 селедки, стоящие 80 коп., зашедшие под видом покупателей Михаил Беспрозванных и неизвестный» и т. п. Когда в Благовещенске объявили о предстоящих торгах на аренду мест на городской базарной площади для торговли сельскохозяйственными продуктами, группа русских торговцев из 14 человек подала в городскую управу заявление с просьбой не допускать к торгам китайцев вместе с русскими, а сдать им места отдельно. Мотивировали свою просьбу тем, что им по несколько раз в день приходится отлучаться от прилавков, оставляя товар под присмотром соседа, а «оставить китайца невозможно, да и вообще у русских с китайцами во всех отношениях, в особенности в торговле, нет тесной дружбы, почему могут происходить разные недоразумения»[3].

Правда, П. Головачев писал, что крупные китайские коммерсанты «совершенно отрешились от обычного для русских купцов принципа “не обманешь – не продашь”»[4], а все эти плутни, недобросовестность свойственны только мелким китайским торговцам, особенно торгующим в разнос. Однако и крупные фирмы, как считал А. В. Даттан, являвшиеся, по существу, только компаньонами шанхайских торговых домов, если и не практиковали грубые приемы обмана, то сбывали скупленные на аукционах в Шанхае дешевые или залежалые товары через мелочную торговлю.

---

[1] Дальний Восток. 1895. 8 марта; Амур. край. 1895. 11 авг.
[2] Дальний Восток. 1895. 3 марта.
[3] Амур. край. 1909, 25 янв.; 9 янв.; 17 февр.; 20 янв.
[4] Головачев П. Указ. соч. С. 153.

Многие китайские торговцы и промышленники либо совсем уклонялись от уплаты налогов и торговых пошлин, либо не доплачивали их. На основании существовавшего в российском законодательстве положения о промысловом налоге, каждый торговец и промышленник обязан был заранее приобретать промысловое свидетельство на следующий год. Их выдача производилась обычно с 1 ноября предшествующего года. Большинство китайцев этого правила не соблюдали и торговали без всяких торговых документов. Существовали испытанные способы обхода закона, на которые обращали внимание и начальник Южно-Уссурийского округа еще в 1893 г., и управляющий Амурской казенной палатой в 1910 г.

Когда податной инспектор обнаруживал незаконную торговлю, он давал нарушителю двухнедельный срок на приобретение необходимых документов. Если в течение этого срока документы не выбирались, то составлялся акт для представления в Казенную палату. Пока акт рассматривался в Казенной палате, пока принималось решение, проходило какое-то время. Затем полиция вручала копию решения нелегальному владельцу, и устанавливался месячный срок для обжалования решения Казенной палаты, по истечении которого полиции предписывалось взыскать штраф с провинившегося. На всю эту процедуру требовалось как минимум полгода. Когда же, наконец, полиция являлась в лавку для взыскания налога и штрафа с хозяина, ее, как правило, встречал уже новый владелец лавки с объяснением, что старый «выехал в Чифу», продав ему предприятие. В действительности старый хозяин никуда не уезжал, а прятался или находился тут же, в лавке, исполняя роль приказчика. Бывали случаи, когда старый хозяин продолжал торговать в лавке просто под другим именем и с другим паспортом. У «нового хозяина» документы в большинстве случаев тоже были не в порядке или вовсе отсутствовали, тогда снова начиналась та же процедура, с теми же последствиями, и так до бесконечности. В. В. Граве в архивах канцелярий местных учреждений встречал дела, где одновременно шла переписка «о взыскании с выехавшего за границу недоимщика промыслового налога и, по неразыскании его, о сложении недоимки»[1].

Если свидетельство и приобреталось, то, как правило, более низкого разряда, чем положено, что вызывало массу пререканий

[1] Граве В. В. Указ. соч. С. 32.

с русскими властями. Китайские торговцы всегда тщательно скрывали, что их предприятие артельное, чтобы зарегистрироваться в качестве владельца индивидуального предприятия и уплачивать соответственно меньше налогов. При предъявлении претензий со стороны податного инспектора они ссылались на то, что масса служащих, находящихся всегда в китайских лавках, не приказчики, а родственники хозяев, случайно или временно проживающие у них.

Выводы

При всех вышеперечисленных традиционных способах и приемах китайской торговли и при свойственной китайским купцам юркости и оборотливости, их торговля отличалась стойкостью и гибкостью, конкурировать с которой было весьма затруднительно.

В целом китайскую торговлю в Приамурском крае можно разделить на крупную и мелкую торговлю в городах и в сельской местности, разносную и развозную торговлю и, наконец, торговлю с инородцами. Значение каждого из этих видов с точки зрения вреда или пользы для края было различным, как и отношение к ним представителей местной администрации и общественности.

Крупных китайских торговцев и в городах, и в деревнях было немного, фирмы их, как правило, пользовались хорошей репутацией, служили регуляторами местных цен и умеряли чрезмерные аппетиты русских купцов. Отрицательной стороной их, с точки зрения администрации, было субсидирование мелких и мельчайших предприятий и руководство всей сетью китайской торговли и промышленности в крае.

Наибольшую опасность для русской торговли и промышленности края представляли мелкие предприятия, особенно развозной и разносной торг. Китайские коммерсанты сразу устремлялись в тайгу, где появлялись русские переселенцы, захватывали их в свою сеть, препятствуя русским предпринимателям приступить к делу. Налогов мелкие предприятия фактически не платили, прибыли вывозили в Китай.

Китайские мелкие торговцы продавали преимущественно те товары, которые можно было купить в больших центрах и, таким образом, являлись большей частью комиссионерами. Кроме того, китайская торговля, особенно развозной и разносной торг, по мнению многих современников, была опасна с политической

точки зрения. Китайские коммерсанты, торгуя по всему краю, изучали местность и могли, если понадобится, служить проводниками неприятельских военных отрядов.

Именно поэтому внимание приамурской администрации прежде всего было привлечено к мелкой китайской торговле, главным образом в сельской местности, и торговле китайцев с инородцами, хотя все меры, принимаемые против них, оказывались малоэффективными.

Из всех многочисленных и разнообразных занятий китайских мигрантов в русских пределах торговля была, пожалуй, одной из самых «престижных» сфер их деловой активности. Как писала газета «Дальний Восток», «стремление стать купцом – заветная мысль каждого китайца, освоившегося с местной обстановкой, и, достигнув этой цели, они прочно, навсегда устраиваются, как никогда, за малыми исключениями, не в состоянии сделать этого русский коммерсант»[1].

[1] Дальний Восток. 1895. 16 апр.